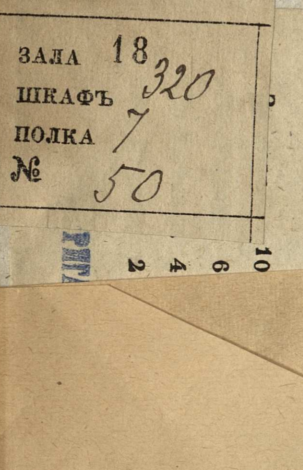

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 320
ПОЛКА 7
№ 50

Н. КИММЕЛЬ
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
ВЪ РИГѢ

ЛЮЦІЯ и МЕЛАНІЯ

или

ДВѢ ВЕЛИКОДУШНЫЯ СЕСТРЫЦЫ,

Краткая повѣсть

изъ сочиненій г. Арнода.

Перевелъ съ Французскаго

Императорскаго Московскаго Университета Студентъ

АВРААМЪ ОБОЛЕНСКІЙ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ

Въ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1782 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ книгу подъ заглавіемъ: Люція и Меланія или двѣ великодушныя сестры, и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Цензоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ЕЯ

ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

ЕКАТЕРИНѢ

АЛЕКСѢЕВНѢ,

СОЙМОНОВОЙ.

МИЛОСТИВАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Высокія милости и благосклонность, которыми я имѣю счастіе пользоваться отъ всей Вашей достопочтеннѣйшей фамиліи, давно уже требуютъ изъявить мою достодолжную чувствительнѣйшей благодарности признательность.

Почему и осмѣливаюсь сей малый опытъ моихъ посильныхъ упражненій въ пере-

ре-

реводѣ съ Французскаго язы-
ка на Россiйскiй, въ знакъ
оной величайшей моей благо-
дарности въ лицѣ всей высоко-
почтенной фамилiи поднесть
Вашему Превосходительству,
какъ такой Особѣ, которая
собственнымъ своимъ примѣ-
ромъ доказываетъ возмож-
ность тѣхъ высокихъ душев-
ныхъ добродѣтелей, какiя
представлены сочинителемъ

въ

въ сей краткой повѣсти, которой благосклонное принятіе почтетъ новымъ знакомъ высокихъ милостей,

ВАШЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА,

Преданнѣйшій слуга,

Авраамъ Оболенскій.

*

* *

Блескъ добродѣтели тогда свѣт-
лѣй бываетъ,
Когда любовну страсть она
одолѣваетъ.

Люція и Мела́нія

или

двѣ великодушныя сестры.

Смерть Людовика XII произвела нѣкоторымъ образомъ перемѣну во нравахъ всего Французскаго народа. Новое правленіе почти всегда приноситъ съ собою новости и въ обычаяхъ. Тайные заговоры и умышленія предсказали возшествіе на престолъ Франциска I. Государство чрезъ долгое время стонало отъ печальныхъ слѣдствій не примиримой ненависти, которая разорвала союзъ между Ангулемскою Гер-

цогинею и Бурбонскимъ Коннетаблемъ. Маркизатство Гизское не менѣе злобилось противъ Монтморанси. Такія явныя несогласія сдѣлали многихъ недовольными. Единомышленники каждой стороны приносимы были въ жертву корыстолюбію начальниковъ противной стороны. Маркизъ де-Рюминьи, вспомоществуемый знатнѣйшими въ государствѣ домами, будучи не доволенъ Дворомъ, умѣлъ предупредить угрожающія ему бѣдствія. Наконецъ уставши отъ непрестанныхъ раздоровъ, грозящихъ ему несчастіями, и желая наслаждаться природою, правдою и самимъ собою, удалился въ одинъ свой замокъ, лежащій въ Пикардіи. Онъ употребилъ остальные свои часы на забавленіе

ленie себя звѣриною охотою, рыбною ловлею, и на невинныя упражненія въ земледѣліи, и старался учинить своихъ подчиненныхъ счастливыми и вѣрными подданными своему Государю и отечеству, убѣгая рачительно всего того, что могло возбудить въ немъ напоминовеніе опасностей, коимъ до сего подвергалъ онъ жизнь свою. Сей родъ любомудрія, который могъ удивительнымъ показаться въ молодомъ придворномъ человѣкѣ, не возпрепятствовалъ Маркизу избрать себѣ хорошую дружескую компанію. Онъ былъ вдовъ, имѣлъ двухъ дочерей, которымъ одна его родственница служила вмѣсто матери и старалась о ихъ воспитаніи.

Обѣ дочери имѣли свои качества, свои добродѣтели и особенныя свои прелести. Люція была обладательницею тѣхъ заразъ, которыя покаряютъ сердцà гораздо больше, нежели ихъ трогаютъ; и она подъ гордымъ и величавымъ видомъ скрывала благородную и чувствительную душу. Меланія плѣняла своею красотою, не стараясь о томъ, и какъ казалось не вѣдая о своихъ пріятностяхъ. Тихой и постоянной нравъ виденъ былъ во всѣхъ ея дѣлахъ, и своею силою уменьшалъ власть красоты и пріятность любовнаго чувствованія. Старшая казалось заставляла себя любить, а меньшая была обожаема тогда, когда всякой думалъ, что только ее почитаетъ.

Сіи двѣ сестры соединены были нѣжною и неразрывною дружбою. Онѣ открывались другъ другу даже и въ самыхъ бездѣлкахъ. Нѣтъ нужды упоминать, что онѣ были уже въ томъ счастливомъ возрастѣ, который предоставляетъ намъ возможность заразиться любовію, и въ которомъ сія страсть есть новою жизнію и другимъ существованіемъ. Маркизъ де Рюминьи, ихъ отецъ, намѣренъ былъ выдать старшую дочь замужъ; многіе дворяне за нее сватались: но Графъ Эстивалъ, вступивши въ число Маркизовыхъ друзей, уничтожилъ ихъ намѣренія.

Сей Графъ былъ изъ числа тѣхъ рѣдкихъ счасливцовъ, которые не могутъ ни начто

жаловаться, кромѣ счастія. Онъ былъ не богатъ, но напротивъ того награжденъ отъ природы знатнымъ происхожденіемъ и отличнымъ достоинствомъ, и одаренъ всѣми качествами, могущими равняться съ достоинствами. Прекраснѣйшая въ своемъ вѣкѣ женщина, которую во времена идолопоклонничества почли бы за богиню повелительницу Грацій, и которая, сверьхъ своего пригожства, имѣла благородный и великій духъ, Пуатіерская, говорю, Діана отъ множества придворныхъ, ее окружающихъ, умѣла его отличить. Изъ сего заключить можно каковъ былъ сей Графъ, и мы смѣло можемъ сказать, что онъ могъ пріобрѣтать побѣды надъ неприступными сердцами.

По описанiи довольно живо Естивала, не должно удивляться, что онъ умѣлъ равномѣрно понравиться обѣимъ сестрамъ. Вотъ новый день начинающiй ихъ освѣщать! Вотъ новыя волнующiяся въ нихъ страсти! природа уступаетъ любви; онѣ обѣ тайно любятъ Графа, а при рожденiи сей нѣжной страсти родилось въ нихъ и притворство; Люцiя и Меланiя начали между собою обходиться холоднѣе, и не такъ уже часто стали другъ съ другомъ имѣть свиданiя. Онѣ, заразившись пламенною страстью начали одна другой убѣгать, чтобы въ уединенiи свободнѣе имъ можно было терзаться.

Меланiя, не знаю, отъ чего напередъ примѣтила, что

Люція къ ней уже не такова, отъ того ли, что она горячо любила свою сестру, или можетъ быть, какъ то и вѣроятнѣе, отъ той искры ревности, которая загарается вмѣстѣ съ любовію. Послѣднее сіе чувствованіе скрывалось еще въ сердцѣ Меланіи; она казалось убѣгала случая къ изъясненію; но не могла таить того, что она была любима Эстиваломъ; она начинала чувствовать, сколько бы пріятно для нее было, раздѣлить съ Люціею, чувствуемую ею къ Эстивалу, страсть; она искала ея присутствія и хотѣла ей изъясниться: но боязнь до того ее не допускала. Однако не взирая на волненія, которыя воставали въ ея душѣ часъ отъ часу болѣе,

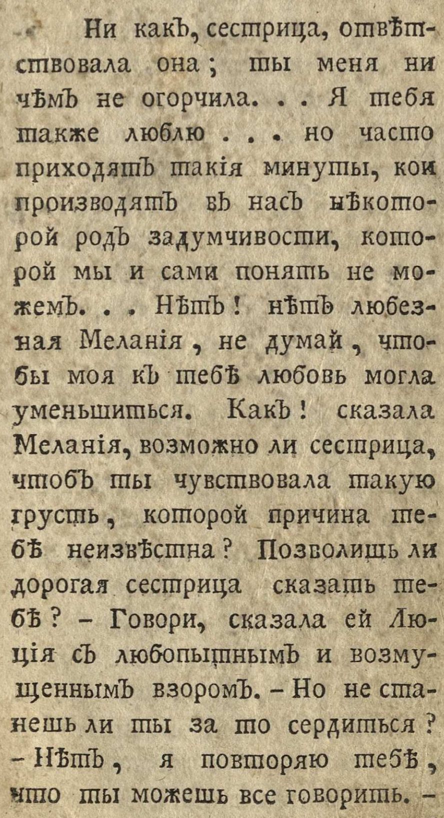
горячность къ Люціи принудила ее прервать молчаніе, въ которомъ она такъ долго пребывала.

Любезная сестрица! сказала Меланія, я уступаю сердечному движенію, котораго я преодолѣть не въ силахъ. Я давно уже съ нимъ борюся, и горячность моя къ тебѣ не позволяетъ мнѣ долѣе молчать . . .

Что я тебѣ сдѣлала, любезная сестрица, что ты уже не тѣми на меня смотришь глазами! ты поступаешь со мною какъ бы съ чужою! ты отъ меня скрываешь нынѣ свои тайны, и не хочешь знать о моихъ! скажи душа моя, скажи любезная сестра, я за-

клинаю тебя тою дружбою, которою ты меня до сихъ поръ удостоивала! сдѣлай ты со мною то, что я съ тобою сдѣлала! оставь притворство, удостой меня открытіемъ такой твоей перемѣны! могла ли я тебя чѣмъ нибудь прогнѣвать, я, которая сего болѣе всего опасаюсь? естьли же я къ нещастію моему чемъ нибудь огорчила дражайшую мою Люцію: то я охотно прошу въ томъ у нее прощенія, и постараюсь вину свою загладить. . . Меланія орошала слезами Люціины руки, которыя она держа многократно цѣловала. Люція будучи обладаема своею страстію, хотя и испытала уже, что природа имѣетъ свои права, однако не мало удивилась Меланіиной печали и такому разговору.

Ни

Ни какъ, сестрица, отвѣтствовала она; ты меня ни чѣмъ не огорчила. . . Я тебя также люблю . . . но часто приходятъ такія минуты, кои производятъ въ насъ нѣкоторой родъ задумчивости, которой мы и сами понять не можемъ. . . Нѣтъ! нѣтъ любезная Меланія, не думай, чтобы моя къ тебѣ любовь могла уменьшиться. Какъ! сказала Меланія, возможно ли сестрица, чтобъ ты чувствовала такую грусть, которой причина тебѣ неизвѣстна? Позволишь ли дорогая сестрица сказать тебѣ? - Говори, сказала ей Люція съ любопытнымъ и возмущеннымъ взоромъ. - Но не станешь ли ты за то сердиться? - Нѣтъ, я повторяю тебѣ, что ты можешь все говорить. -

Я

Я хочу тебѣ доказать истинну своей искренности и чистосердечія; я тебѣ хочу доказать, что ты мнѣ дозволила все говорить; не забудь же сестрица! Мнѣ кажется . . . а можетъ быть я и обманываюсь, кажется мнѣ я примѣтила, что ты съ тѣхъ поръ, какъ Графъ Эсти . . . - Что такое вы хотите сказать, съ суровостію прервала рѣчь ея Люція, что вы хотите сказать? съ смущеніемъ и закраснѣвшись ее спрашивала. - Ничего сестрица, но . . . Графъ любви достоинъ. . . Хорошо! отвѣтствовала Люція съ презрительнымъ видомъ, который однакожъ ей измѣнялъ, пускай Графъ любви достоинъ, но и всякой имѣетъ такія же достоинства, какъ Эстивалъ? не думаете ли

вы сударыня, что . . . я въ него влюбилась? . . . – Да и конечно вы его любите, сказала Меланія, смотря на нее совниманіемъ. . . и онъ равно васъ любитъ, продолжала она рѣчь свою, прерывающуюся отъ вздоховъ и слезъ. – Ахъ! ежели бы онъ меня, или я его любила, съ жаромъ отвѣчала большая сестра, то бы. . – Точно вы не стали бы взаимно терзаться, продолжала меньшая . . Сердце! . . . (она произнесла сіе послѣднее слово тихимъ голосомъ, препровождая оное глубокимъ вздохомъ) но ты меня оставляешь сестрица . . . . Такъ, вскричала Люція, я васъ, сударыня, оставляю, оставляю будучи не довольна вашимъ поступкомъ. Для меня очень странно, что вы называете меня любовницею Графа.

Такъ она его любитъ, вскричала Меланія, оставшись одна, и я не могу въ томъ больше сумнѣваться! . . . До сей злощастной минуты я старалась убѣгать истинны, которая ясно глазамъ моимъ представлялась. Но теперь, теперь я стала соперницею Люціи, соперницею своей сестры, той, которую я столько люблю, и къ которой я обязана имѣть нѣжнѣйшія чувствованія! . . . Ахъ! Эстивалъ, для чего я тебя увидѣла! для чего пришелъ ты возмутить спокойствіе двухъ сердецъ, которыхъ дружество составляло все наше благополучіе! Оно довольствовало наши желанія; мы ему долженствовали невинными увеселеніями, всѣми благополучіями и спокойствіемъ,

симъ спокойствіемъ, которымъ одна добродѣтель можетъ наслаждаться! . . . Какія восхищенія я чувствую! не любовь ли это колеблетъ мою душу? Такъ точно онъ меня презираетъ . . . Такъ! . . . Графъ меня не любитъ . . . Тутъ Меланія залилась слезами. Ахъ, любезная сестра, сказала она съ восхищеніемъ, какъ мало знаешь ты мое сердце! я принужу себя. . . нѣтъ я не буду твоею соперницею . . . Нѣтъ дражайшая Люція . . . я готова тебѣ жертвовать . . . жизнію . . . я нахожусь въ жалостномъ состояніи, но ахъ! я не имѣю такого друга, которому бы я ввѣрить могла свою тоску! Несчастная Меланія! ты теперь надъ собою видишь примѣръ, какъ перемѣняетъ любовь наши сердца!

Спу-

Спустя нѣсколько дней Эстивалъ примѣтя въ Меланіи волненія ея духа, чего она немогла отъ него утаить, сказалъ: смѣю ли я, сударыня, спросить васъ о причинѣ той неумѣренной печали, въ которую я васъ вижу погруженну? Дозволите ли мнѣ раздѣлить ее съ вами? . . . Государь мой, отвѣчала ему Меланія съ нѣкоторою суровостію, ежели бы я имѣла какую нибудь печаль, то бы я нашла кому и кромѣ васъ ее повѣрить. . .

Меланія не окончавши сихъ словъ вышла вонъ и оставила Графа въ изумленіи. Онъ не могъ догадаться о причинѣ такого ея поступка, который тѣмъ ему былъ огорчительнѣе, чѣмъ болѣе страсть его къ

Ме-

Меланіи усиливалась по всякой день. Всякую минуту хотѣлъ онъ объявить ей свою любовь, и принесть тѣ клятвы, которыя принадлежали Люціи, потому, что она, какъ старшая, должна была напередъ вытти за мужъ; и Эстивалъ безпрестанно получалъ отъ отца своего письма, который его понуждалъ поспѣшать бракомъ, съ коимъ нѣкоторымъ образомъ сопряжено было счастіе его дому. И такъ должно мнѣ, помышлялъ самъ въ себѣ Графъ, жертвовать собою честолюбію своей фамиліи и воли своего родителя! какое ужасное состояніе! о родитель мой! чего ты отъ меня требуешь? Люція имѣетъ добродѣтели и прелести. Но кто можетъ сравниться съ Меланіею?

нїею? Она похитила власть надъ моимъ сердцемъ; она воспламенила во мнѣ любовный жаръ . . . Я исполню волю твою, родитель мой, я не буду тебѣ преслушнымъ . . . Да, я буду супругомъ Люцїи: но смерть моя не замедлитъ послѣдовать за прїуготовляемою мною тебѣ жертвою. Я буду жить для исполненїя моихъ должностей, для пользы моей фамилїи, для повиновенїя власти родителя, который мнѣ столь любезенъ . . . Я умру для того, чтобъ вступить въ супружество съ тою, которую рокъ мнѣ избираетъ.

Меланїя, пришедши въ себя, въ не меньшемъ была замѣшательствѣ, она обвиняла себя жестокостїю; но не смѣла

объявить о своей любви. Приходило такое время, въ которое уступая она своей слабости желала, чтобъ Эстивалъ опять у нее спросилъ: отъ чего происходитъ ея печаль; но было и такое, что она и малѣйшее въ пользу Графа чувствованіе обвиняла. Она его искала, и въ тожъ самое время убѣгала; боялась на него смотрѣть, однакожъ смотрѣла; и сіе то терзало ее попеременно. Наконецъ, желая удержать равновѣсіе между любовникомъ и сестрою, подверглась слѣдствію своей мучительной страсти, которую тщетно старалась покорить своей волѣ. Она отъ сего впала въ болѣзнь, которая сдѣлалась очень опасною.

Въ сіе время *Люція* возчувствовала свою къ ней горяч-

ность. Она не внемля никакому гласу, кромѣ гласа родства, летитъ къ Меланіиной постели, заключаетъ ее въ своѝ объятія, орошаетъ ее слезами. Что тебѣ сдѣлалось, любезная Меланія, говоритъ ей съ голосомъ наполненнымъ чистосердечія и искренности? Теперь я хочу равномѣрно испытать твое сердце. Назадъ тому нѣсколько дней ты погружаться начала въ глубокую задумчивость! болѣзнь твоя непремѣнно имѣетъ какую нибудь причину, которой я не могу отгадать! . . . говори со мною вольно; мы теперь однѣ. Подумай о своей любезной Люціи, своей нѣжной сестрѣ! ты лучшему своему другу откроешь свою душу. - Ахъ! сестрица, сказала Меланія испу-

пуская томные вздохи, и смотря на Люцію съ видомъ изъявляющимъ нѣжность и печаль, сестрица! . . . оставь меня умереть. – Нѣтъ! любезная моя Меланія, нѣтъ ты не умрешь! мои дни зависятъ отъ твоихъ, . . . говори. . . . твое состояніе меня пронзаетъ. Ты хочешь, сестрица, чтобъ я тебѣ ввѣрила свои несчастія! но ты отъ нихъ меня не избавишь. Ахъ! да для чего же и отчаяваться? Для чего ты не во всемъ полагаешся на мою къ тебѣ дружбу? – Я симъ огорчу твою дружбу; она не можетъ имѣть на тебя злобы. Въ послѣдній разъ прошу тебя сестрица, открой мнѣ свое сердце. – Ахъ сестрица, тебѣ ли оно должно открываться? – Но ктожъ можетъ тебѣ лучше

помо́чь, лучше тебя утѣшить, и наконецъ тебя любить больше твоей сестры? – Такъ ты мнѣ сказать велишь? Заклинаю тебя и со слезами прошу. . . – Хорошо! вскричала Меланія опираясь на ея руку, сіе сердце соглашается тебѣ признаться, ты сама того хочешь. . . Ахъ, сестрица! знай же что я люблю. . . я обожаю? . . – Кого спрашиваетъ Люція съ дрожащимъ голосомъ? – Эстивала. . . котораго ты любишь, и который самъ точно тебя любитъ. . . Я не хочу предаваться сей склонности, кою разумъ мой подтверждаетъ; я не требую отъ тебя, сестрица, кромѣ сего, оставь меня умереть, чтобы никто кромѣ тебя не зналъ о моей слабости и моемъ поступкѣ, который

рый терзаетъ твое сердце; вижу я, что я его поразила жестоко, я это вижу любезная Люція! но скрой причину моего и своего злосчастія отъ Эстивала . . . Прости это мнѣ любезная Люція. Ты сама имѣешь сердце; ты чувствуешь, что погрѣшность моя невольная . . . Я за оную наказана . . . Я хочу испустить послѣдніе вздохи въ объятіяхъ любезной сестры . . . живи сестрица для того, чтобы любить Графа . . . и быть взаимно имъ любимою. – Ты любишь Эстивала, отвѣчала Люція проливая источники слезъ? Ахъ сестрица . . . Она хочетъ нѣжно ее обнять, но сія вырывается изъ рукъ ея съ великимъ смущеніемъ, и опять лепитъ съ поспѣшностію въ

объятія своей сестры. Тебѣ, любезная сестрица, тебѣ должно жить продолжала Люція во слезахъ; естьли тебѣ надобно . . . то . . . я пожертвую тебѣ самою любовію своею . . . я не выду за Графа. - Нѣтъ великодушная сестра, отвѣтствовала ей Меланія, простирая къ ней свои руки, я не буду неблагодарна за твою нѣжность и за твою любовь; я была бы безчеловѣчна и звѣрскаго нрава, естьли бы я это сдѣлала. Тебѣ Эстиваль опредѣленъ; ты получишь его руку . . . а я смерть . . . - Но Боже мой! что вамъ сдѣлалось, сестрица! Блѣдность покрываетъ ваше лице!

Меланія зазвонила въ колокольчикъ, и люди пришедши от-

отнесли Люцію въ ея комнату. Но очувствовавшись возвратилась она опять къ Меланіи, и съ добросердечною нѣжностію сказала ей: прости слабость мою любезная сестрица! Я отвѣчаю за себя, что я преодолѣю свою страсть. Конечно я не соглашусь быть супругою Графа; когда сіе мое счастіе стоитъ тебѣ жизни! я чувствую, что дружба въ сердцѣ моемъ къ тебѣ можетъ сравниться съ моею любовію . . . Любезная моя Люція, отврати глаза свои отъ слезъ моихъ; не внимай тѣмъ послѣднимъ вздохамъ моей страсти, которую я скоро истреблю; не взирай на сіи страстныя волненія, на сіи мученія моей души! Успокойся хотя для того, чтобъ быть лю-

бимою отъ своей сестры, истиннаго своего друга . . . Ахъ! сестрица чѣмъ болѣе жертвуете вы мнѣ своимъ удовольствiемъ, тѣмъ болѣе должна я вооружиться противъ вашего великодушiя . . . противъ самой себя . . .

Такая добродѣтель дѣлаетъ меня виновнѣе въ моихъ поступкахъ. Заклинаю тебя оставь меня умереть, и живи для того, что бы о мнѣ тужить, меня любить . . . и выттти за . . . Меланiя не успѣла еще окончать сихъ словъ, какъ Люцiя проливая горкiя слезы, бросилась въ ея объятiя.

Она не оставляла доброжелательства сестры своей, ко-

которая съ своей стороны не переставала показывать столько же нѣжности и великодушія. Да и въ самомъ дѣлѣ, есть ли для человѣческой слабости больше насилія, и славнѣе той побѣды, которую онъ получаетъ надъ своею страстію, обладающею его сердцемъ? Не знакъ ли великаго духа, когда кто для счастія другаго лишаетъ себя своего благополучія и всего удовольствія? И не въ семъ ли состоитъ истинное геройство?

Нѣсколько времени спустя послѣ сего мучительнаго признанія, *Люція* сказала *Меланіи*: любезная моя сестрица! я совѣтовала съ своею страстію; я испытала свое сердце, и надѣюсь, что оно въ силахъ бу-

будетъ перенесть то, что я ему приготовлю. Естьли бы я болѣе тебѣ стала обѣщать, то я бы тебя обманывала ... въ противность моимъ склонностямъ ... Ахъ! любезная Меланія, я преодолѣю себя для твоего благополучія, или по крайней мѣрѣ я осмѣливаюсь такъ думать; я чувствую всю невозможность забыть Эстивала: однако я за него не выду. Но могули я его не любить? увы! нѣтъ, я сего сдѣлать не въ силахъ; нѣтъ, я буду обожать его тайно въ сердцѣ моемъ ... видѣть его въ объятіяхъ другой! видѣть другую имъ любиму! ... видѣть его супругой! ... сестру свою ... Сего истинно не возможно перенесть. Сама Меланія не согласилась бы симъ мнѣ

жертво-

жертвовать . . . (сіе сказала Люція взглянувЪ на нее сЪ достойнымЪ сожалѣнія видомЪ) По етому вы о мнѣ сумнѣваетесь, сестрица, отвѣтствовала Меланія! – ТакЪ продолжала Люція сЪ видомЪ показывающимЪ достовѣрность... Но я хочу: что бы ты была его супругой, и чтобы ты здѣлала и себя и его счасливыми. ВотЪ послѣднее мое рѣшеніе! я принужу сердце свое на сіе согласиться . . . пусть буду одна я несчастна; пусть сестра моя наслаждается жребіемЪ, котораго достойны ея добродѣтели!

Сіи двѣ сестры были образцемЪ рѣдкаго и чрезвычайнаго великодушія. Меланія тронувшись поступкомЪ Люціи при-

пришла въ чувство, или лучше сказать, она получила довольно силъ отогнать отъ себя ударъ угрожавшій ей. Она не одержавъ еще полной побѣды казалось уже торжествовала, чего и довольно было къ удовольствованію обѣихъ ихъ: однако страсть не только не уменшалась, но еще день отъ дня болѣе усиливалась; она удалилась отъ Эстивала: но образъ его глубоко былъ впечатлѣнъ въ ея сердцѣ: она убѣгала всѣхъ случаевъ, способствующихъ ей остаться на единѣ съ тѣмъ, кого она обожала: однакожъ не могла избѣжать сего столь опаснаго для ея сердца свиданія, которое не умѣетъ таить своихъ слабостей. Графъ нашедши сію злосчастную для Меланіи минуту,

нуту, заградивъ ей дорогу, куда вы бѣжите сударыня, сказалъ ей бросившись къ ея ногамъ; удостойте на одну минуту меня выслушать! не время скрывать мнѣ отъ васъ страсть свою; я васъ обожаю; я васъ люблю безъ мѣры; я живу и дыханіе имѣю единственно для васъ; воля, или лучше сказать, приказъ моего родителя заставляетъ меня искать руки сестры вашей; она достойна любви и почтенія; моя фамилія ждетъ нетерпѣливно нашего союза . . . Все меня къ ней привязываетъ! но прекрасная Меланія! я не могу себя болѣе принуждать; всякой день я васъ вижу съ новыми прелестями, и я бы обманулъ Люцію, естьлибы я сказалъ, что я ее обожаю;

по-

потому, что новая страсть мною обладаетъ; вы одна причиною того пламени, который во мнѣ всякую минуту пылаетъ. Скажите, прекрасная Меланія, определите мой жребій. - Онъ совсѣмъ опредѣленъ Государь мой, сказала Меланія, поднимая Эстивала: вы отдали свою руку моей сестрѣ; ваши старанія ее тронули . . и вы должны ее любить. . . Одна Люція должна быть вашею супругою. Все то, чѣмъ я вамъ должна, и что я могу сдѣлать, состоитъ въ томъ, что я обѣщаюсь вамъ быть вашимъ другомъ. Не забывайте, государь мой, того, что я Люціи сестра; я вамъ все сказала и послѣ сихъ словъ. . . не говорите вы мнѣ болѣе ничего. . . Чтожъ до меня касает-

сается, я буду молчать съ тѣмъ только договоромъ, что вы мнѣ ввѣрили... И такъ... Простите, государь мой, я не хочу васъ больше видѣть...

Эстивалъ хотѣлъ было отвѣтствовать, но Меланія была уже въ своей комнатѣ. Сія несчастная любовница видя себя одну не стала скрывать своей печали. Теперь вскричала она могу я отдать душу мою всѣмъ страданіямъ, и предаться своей слабости и любви. Здѣсь я могу чувствовать всю горесть бѣдственной моей любви, не огорчая тѣмъ своей сестры... Увы! Графъ меня любитъ... Я его обожаю! но при всемъ томъ должно мнѣ его истребить изъ своего сердца; надобно мнѣ то-

говорить ему о Люціи. . . о ея любви... Но не сказать ни одного слова о своей страсти, и не оказать ниже самомалѣйшаго чувствованія; показать ему дружескую холодность, столь различную съ моимъ чувствованіемъ! О какъ я несчастна! какою тяжестію становится мнѣ мое бытіе!.. Ахъ! забуду все, умру въ слезахъ, воздыханіяхъ и отчаяніи: но къ чему мнѣ быть столь малодушною? Нѣтъ! я покажу, что женщина можетъ себя побѣдить; что она можетъ любовь принести на жертву естеству, дружбѣ и великодушію, которое ужасаетъ и обольщаетъ мою душу. Конечно Люція, конечно любезная соперница, ты получишь сію жертву, ты узнаешь мои не-

несчастія и ужасное мое состояніе. . . Ты знаешь любовь! – Такимъ образомъ Меланія безпрестанно терзала и мучила себя будучи непримиримою непріятельницею себѣ самой. Она старалась истребить малѣйшую искру, возгарающуюся въ ея сердцѣ, и искала средствъ утушить ее. Эстивалъ писалъ къ ней многія письма, но она ихъ не принимала. Наконецъ утрудившись сими безпрестанными прошеніями, и не въ силахъ будучи болѣе отказывать Графу, вознамѣрилась лучше оставить свой домъ. Она становясь день отъ дня болѣе влюбленною въ Эстивала, и горячѣе къ Люціи, собравъ всѣ свои силы удалилась отъ родительскаго дому. Ея побѣгъ огорчилъ всю

ея фамилію, и причинилъ величайшую печаль. Люція не могла ни чѣмъ утѣшиться и предалась отчаянію, которое болѣе еще было умножено полученіемъ сего письма.

„Вы не должны дивиться
„ся моему побѣгу, дражайшая
„сестрица! О естьлибы я мог-
„ла себя освободить отъ самой
„себя! я предпріемлю послѣд-
„нее средство . . . которое
„мнѣ осталось . . . Я люблю
„тебя . . . обожаю Эстивала;
„но не могу быть его супру-
„гою! Ты, любезная Люція,
„ты должна нести сіе имя;
„я избрала себѣ жениха тако-
„го, котораго мнѣ желать и
„любить позволительно. Я
„хочу посвятить себя Богу;
„онъ испытаетъ мою душу;
„онъ

,, онъ сжалится надъ нею; онъ
,, возвратитъ ей спокойствіе;
,, сердца наши суть твореніе
,, его рукъ; онъ перемѣнитъ
,, мое мученіе, онъ усмиритъ
,, сію горестную любовь, ко-
,, торую я влеку къ его олта-
,, рю, которая въ самое то
,, время, какъ я сіе пишу,
,, досадуетъ на мое отчаяніе..
,, Можетъ быть Господь по-
,, дастъ мнѣ утѣшеніе въ по-
,, терѣ . . . наидостойнѣйшаго
,, изъ всѣхъ человѣка! . . .
,, Чтожъ мнѣ осталось ска-
,, зать? будь счастлива любез-
,, ная сестра, люби меня;
,, пусть и Графъ будетъ мо-
,, имъ другомъ; я могу, не
,, раздражая тебя и не нарушая
,, вашего союза, принимать
,, участіе въ его и твоемъ
,, благополучіи, имѣніе, мнѣ

 ,,при-

,, принадлежащее, я отдаю ,, вамъ обоимъ; оно можетъ ,, способствовать вамъ къ при- ,, веденію себя въ пристойное ,, вашей .фамиліи и вашему ,, достоинству состояніе. Я ,, ласкаю себя надеждою, что ,, родитель мой невозпрепят- ,, ствуетъ моимъ намѣреніямъ. ,, Не старайтесь узнать нова- ,, го моего жилища; ибо всѣ ,, ваши покушенія будутъ на- прасны. Я скрываю свой родъ; ,, я перемѣнила свое имя, я ,, употребила всѣ средства къ ,, вооруженію неприступнымъ ,, образомъ сердца своего про- ,, тивъ вашихъ совѣтовъ и ,, увѣщаній, противъ твоей и ,, родителя моего любви, ко- ,, тораго ко мнѣ милости благо- ,, словлять вовѣки не преста- ,, ну. . . и наконецъ противъ

,,са-

„ самой себя; а къ себѣ я бо-
„ лѣе еще нежели къ другому
„ кому имѣю довѣренности.
„ Я знаю свою слабость, и
„ вознамѣрилась предупредить
„ слѣдствія, могущія обезсла-
„ вить мою добродѣтель; по
„ крайней мѣрѣ, я умру съ
„ тѣмъ удовольствіемъ, что я
„ исполнила свою должность,
„ и что возвратила вамъ бла-
„ гополучіе. Прощай любезная,
„ прощай дражайшая сестра;
„ прощай свѣтъ, прощайте
„ страсти, прощайте на вѣки.
„ Э. . . но нѣтъ! мнѣ не дол-
„ жно выговаривать его име-
ни . . .

Такое превосходное вели-
кодушіе было смертельнымъ
ударомъ для Люціи. Воображе-
ніе причиненнаго ею несчастія

 сво-

своей сестрѣ ввергнуло ее въ обморокъ, по прошествіи котораго, она въ слезахъ возопила: нѣтъ любезная Меланія, я не меньше имѣю мужества! я невступаю въ сей союзъ ... который я должна презирать, потому что онъ, онъ учинилъ тебя несчастливою; ты не скроешся отъ моихъ поисковъ; я найду то мѣсто, которое скрываетъ тебя отъ моей нѣжности, отъ моей любви и отъ слезъ моихъ! я его открою. . . я извлеку тебя изъ него; я возвращу тебя въ сіи мѣста, въ объятія твоихъ родственниковъ; ты увидишь Эстивала, ты опять его полюбишь. . . .

А естьли то надобно, то будешь ты супругой его.

. . . Я, я должна умереть. — Въ сіе время вошелъ Графъ въ ея комнату. Графъ, сказала ему Люція въ смущеніи, сядьте, я хочу вамъ нѣчто сказать. . . извольте сѣсть. Я ласкаю себя, что вы имѣете нѣкоторую ко мнѣ склонность; можетъ быть я не была бы къ оной нечувствительна, и съ удовольствіемъ смотрѣла бы на союзъ мой съ вами, ежели бы тѣмъ не огорчила васъ, не преступила бы родства и чести, и не озлобила бы себя самую; я очень худо сдѣлала бы, естьли бы не увѣдомила васъ о моемъ ужасномъ состояніи . . . Вамъ небезъизвѣстно, какъ я люблю свою сестру. Она имѣетъ ко мнѣ такія же чувствованія и безъ сомнѣнія также меня лю-

битъ . . . Меланія, любезная сестра! (присовокупила Люція съ ліющимися изъ очей слезами) она вознамѣрилась на всегда погребсти себя въ одинъ монастырь, о которомъ мы узнать не можемъ; она отдаетъ мнѣ свое имѣніе; она принуждаетъ меня вступить съ вами въ бракъ! Но это еще не все. Знайте Графъ, что Меланія васъ любитъ. Сіе признаніе не сдѣлаетъ ей никакого безчестія; ибо она жертвуетъ своимъ благополучіемъ моему счастію. Ахъ! могу ли сіе сносить. Судите, Графъ, въ какомъ я нахожусь состояніи! сердце мое терзается, смерть входитъ со всѣхъ сторонъ въ оное. Я за счастіе бы себѣ почла быть вашею женою, и раздѣлять съ вами

вашъ

вашъ жребій, любезный Эстивалъ... Но сестра моя... Ахъ! сестра моя... – О боже! О души обожаемыя! О души небесныя,... Меланія меня любитъ! вскричалъ Графъ! что я слышу! счастіе мое возводитъ меня на верьхъ всѣхъ бѣдствій... Нѣтъ! я не куплю своего счастія цѣною двухъ сердецъ, которыя обожанія достойны. Я лучше соглашусь умереть съ печали, нежели владѣть вами за такую цѣну... О боже мой! Меланія осталась на всегда несчастною! я виновникъ ея несчастія! и не могу извлечь ее изъ сей темницы, въ которой она конечно окончитъ цвѣтущую жизнь свою!

Эстивалъ такъ какъ и Маркизъ Рюминьи употреблялъ

всѣ хитрости, какія только вздумать можно: но онѣ были напрасны. Маркизъ погруженный въ печаль, непреминулъ увѣдомить о сихъ обстоятельствахъ Графова отца; и въ письмахъ своихъ убѣждалъ его пріѣхать къ нему для сочетанія Люціи съ Эстиваломъ; онъ надѣялся, что бракосочетаніе дочери, которая одна только у него осталась, принесетъ ему нѣкоторое облегченіе въ его печали. Хотя правду сказать, имѣніе Графово было очень ограничено; однако онъ былъ весьма знатенъ своимъ родомъ и достоинствомъ, по которому имѣлъ свободной доступъ къ высочайшимъ степенямъ чести. Отецъ его склонился на Маркизовы прошенія; пріѣхалъ къ нему,

и нашелъ своего сына погруженнаго въ глубокую задумчивость; сердце его тѣмъ болѣе чувствовало ту страсть, что должность его, благонравіе и самая любовь повелѣвали ему оную скрывать. Да и по справедливости могъ ли онъ безъ неслыханнаго безчеловѣчія открыть глаза любви достойной дѣвицѣ, которая его обожала и думала быть имъ любимою? Люція не знала сколь дорога Эстивалу была Меланія; слезы она принимала за знаки соболѣзнованія и сожалѣнія, которыя любовь заставляла Графа лить въ Меланіиной участи. Онъ хотѣлъ было вывесть Люцію изъ сего заблужденія, и сказать ей, что она имѣетъ соперницу; но отецъ его подо-

дошедши къ нимъ помѣшалъ ему въ томъ. Старой Эстивалъ былъ изъ числа тѣхъ неукротимыхъ воиновъ, которые думаютъ, что столь же легко бороться съ страстьми, какъ сражаться съ непріятелемъ. Онъ совсѣмъ ужѐ позабылъ любовь, и кровь его ни къ чему не воспламенялась, кромѣ честолюбія. Въ письмахъ своихъ къ Маркизу Рюминьи далъ онъ слово, сочетать бракомъ сына своего съ Люціею; и для того ни на что не смотрѣлъ, какъ только на свое обѣщаніе; тщетно Эстивалъ открылъ ему раны своей души; тщетно представлялъ ему несчастіе Меланіи и свою любовь къ сей любезной дѣвицѣ. Любезный сынъ, отвѣтствовалъ онъ ему, до-

вольно и того, что ты мнѣ сказалъ свою слабость; я не сомнѣваюсь, чтобъ Меланія не имѣла надъ тобою полной власти; я сожалѣю о ея и твоей участи; я готовъ ее оплакивать: но только пусть слезы текутъ изъ однихъ очей твоего родителя; берегись сынъ мой, чтобы твоя твердость тебя не обманула; ты долженъ жениться на Люціи, исполнить мое обѣщаніе, устоять въ моемъ словѣ, утѣшить Маркиза, и однимъ словомъ, ты долженъ ето сдѣлать для благополучія своей фамиліи, которой возвышеніе зависитъ отъ сего брака... Ты долженъ мнѣ повиноваться; ступай къ олтарю, и не кажись мнѣ, не сдѣлавшись зятемъ Маркиза Рюминьи. – Но родитель мой

. . . Я довольно слышалъ. Любовь . . . Любовь! что такое любовь въ сравненіи съ честію? либо женись на Люціи, либо не называйся моимъ сыномъ. – О родитель мой! должно ли тебѣ такъ поражать меня? Я сынъ вашъ, я знаю ето по почтенію и по горячности, которыя къ вамъ я чувствую. Но когда ты столь ко мнѣ жестокосердъ, то по крайней мѣрѣ позволь мнѣ хотя, приуготовить свое сердце къ сей страшной жертвѣ! – Исполни сіе ни мало немѣшкавъ, или ты причинишь мнѣ смерть, либо принужденъ будешь уступить необходимости исполнить мои слова, свое обѣщаніе и свою должность. . . Ты видишь слезы, мой любезный сынъ.

— Ахъ родитель мой не плачь! . . . Я готовъ исполнить твой приказъ.

Между тѣмъ Меланія, заключивши себя въ печальное свое убѣжище, можетъ быть, еще болѣе предавалась мученіямъ, нежели избѣгала оныхъ. Она думала, что въ семъ священномъ мѣстѣ пріобрѣтетъ нѣкоторое спокойствіе и утѣшеніе своей печали. . . Но ахъ! надежда ее обманула; любовь повсюду ее преслѣдовала; повсюду гналась за нею; вездѣ ее терзала, и въ самое то время, когда она была у олтаря и орошала его своими слезами; Эстивалъ повсюду ей мечтался; тщетно призывала она Бога и проливала предъ нимъ слезы. О Боже, говорила

 она

она, не остави меня укроти гнѣвъ свой на меня! часто я преступаю свой санъ, покушаясь оставить сіи мѣста, устремиться къ тѣмъ, въ которыхъ обитаетъ Эстиваль... сказать ему о своей любви... и умереть у ногъ его... Гдѣ теперь моя добродѣтель, та небесная помощь, о которой тебя молю! О Господи! О Боже мой! прости мое преступленіе!... Нѣтъ! любезная сестра, нѣтъ, я непойду нарушать твоего благополучія; люби Эстивала; пусть и онъ тебя любитъ; соединитесь другъ съ другомъ драгоцѣнными и пріятными узами супружества; а для меня, я знаю какія узы остались; я стану носить сіе ужасное иго... я покорю себя оному... О Боже мой!

мой! тебѣ, тебѣ я вручаю себя, я удаляюсь отъ свѣта, удаляюсь отъ самой себя. Тотъ образъ, который должна я истребить изъ памяти, болѣе прежняго занимаетъ мою душу. О несчастная! О злополучная Меланія!

Люція такія же чувствовала мученія, она не выпускала изъ мысли своей Меланіи: но иногда изтребляла ее изъ памяти съ нѣкоторымъ ужасомъ; она не могла не признаться, чтобъ сестра ея не приносила себя ей на жертву; однимъ словомъ Люція плакала о ней: но любя графа, всѣ свои желанія простирала только къ тому, чтобъ сдѣлаться его женою. Наконецъ наступилъ сей желанный ею

день; Эстивалъ и Люція были отведены въ церковь своими родителями. Графовъ отецъ представлялъ ему, какую пользу принесетъ ему сей бракъ, и какую радость причинитъ онъ всей своей фамиліи. – Какую пользу родитель мой вы отъ него получаете, отвѣтствовалъ Эстивалъ? ту развѣ одну, что я окончу животъ свой! – Но развѣ, Люція любезный сынъ, не имѣетъ довольно красоты и добродѣтели? – Люція имѣетъ все, Люція достойна обожанія. . . но она не Меланія, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Я оставляю это, вы увидите родитель мой, сколько я васъ люблю; я хочу вступить въ бракъ съ Люціею, когда вы того желаете; я жертвую вамъ со-

собою. Но послѣ жертвы оставьте меня оплакивать свой жребій, и окончать оный.

И такъ они приходятъ уже къ олтарю. Люція говоритъ свою клятву трепещущимъ голосомъ; хотя она и радовалась, видя себя соединенною на вѣки съ тѣмъ, кого чрезмѣрно любитъ; но тронувшись страшнымъ воображеніемъ несчастія, которое причиняетъ она сестрѣ своей, и представивъ себѣ, что ея счастіе стоитъ вольности, а можетъ быть и самой жизни, предалась отчаянію. Эстивалъ раздѣлялъ съ нею ея печаль, и въ сей часъ она желала бы, чтобы онъ не столько сожалѣлъ о Меланіиномъ злополучіи: однако Люція не взирая

на всѣ свои печали не могла предвидѣть страшныхъ ударовъ ей угрожающихъ; она еще не знала, что имѣла у себя соперницу любимую Графомъ, и что сія соперница была ея сестра.

Слухъ о бракѣ Эстивала съ Люціею достигъ и до ушей Меланіиныхъ. Не льзя никакъ изъяснить различныхъ волненій, возмутившихъ ея душу; тутъ то нужна ей была вся ея добродѣтель къ подкрѣпленію; она побѣжавши въ церковь повергласъ предъ олтаремъ проливая потоки слезъ; вздохи прерывали рѣчь ея. Все теперь совершилось, сказала она; несчастіе мое исполнилось; Графъ сталъ мнѣ зятемъ! мнѣ должно навсегда отъ него отказать-

защься . . . на всегда его забыть . . . Ахъ, могу ли я это здѣлать? Жестокой Эстиваль долженъ ли ты былъ вступать въ сей бракъ? Немилосердая сестра! о варварка! должно ли тебѣ поражать такъ сестру свою? . . . Ахъ! что я говорю несчастная? Къ чему приводитъ меня пагубная моя страсть? Дражайшая Люція, любезный Эстиваль! простите мнѣ сіи послѣднія мои слова! . . . Они изчезнутъ вмѣстѣ со мною. . . Вы узнаете гдѣ будетъ мой гробъ... Вы придете туда оросить его слезами; мой прахъ будетъ сіе чувствовать . . . от ажете ли вы мнѣ въ послѣднемъ семъ удовольствіи? О Боже мой! естьли на земли ужаснѣе сихъ злополучій?

Сія несчастная дѣвица чувствовала все стремленіе наисильнѣйшихъ страстей, какъ то, ненависти, гнѣва, мщенія, злобы и ревности, а любовь ни на часъ сердца ея не оставляла; она вознамѣрилась было оставить свое уединеніе, но съ плачемъ опять въ оное возвратилась; душа ея служила добычею тысячи различныхъ намѣреній; наконецъ приступила она къ послѣднему средству избавить себя отъ печали, которое состояло въ лишеніи себя жизни столь для нея скучной; она избрала ужаснѣйшую смерть; веревка, которая была у нее въ рукахъ, долженствовала пресѣчь предѣлъ ея жизни; вотъ одно, говорила она, одно средство покорить несчастную любовь,

которая сперва была только слабость, но нынѣ становится преступленіемъ! . . . все, что на земли ни находится, меня оставило, все! . . . самое небо противъ меня вооружилось. Увы! я молила его со слезами, воздыханіями и воплемъ: но оно не внимаетъ гласу моленія моего! . . я люблю, я пылаю страстію. . . кто облегчитъ меня отъ несноснаго бремени моей печали? О смерть! ужасная смерть!... Но должно ли меня устрашать сіе слово? Не предѣлъ ли она всего бытія? Смерть есть упокоеніе жизни. Что пользы въ томъ, что мы существуемъ, когда жизнь подвержена такимъ мученіямъ? Любезная сестра! . . . любезной другъ! . . . ахъ Люція . . . ты знаешь мое

 серд-

сердце, ты знаешь всю мою чувствительность, все мое отчаяніе; и знавши оное, ты могла отнять у меня Эстивала, ты похитила у меня того кого я обожаю . . . кому я самую себя посвятила . . . о Боже мой! . . она ужѐ ему супруга! . . . о небо! . . . но что я мѣдлю еще и не оканчеваю жизни своей, которая становится мнѣ тягостною.. Ахъ! до чего доводитъ меня отчаяніе? Я хочу быть самоубійцею? . . Но властна ли я въ своей жизни? . . властна ли я разорвать тѣ узы, въ которыя заключилъ душу мою Творецъ мой? Творецъ, который есть высочайшее Существо, который никому не обязанъ отдавать отчета въ самовластномъ своемъ произ-

воленіи, и который единъ имѣетъ власть въ моей участи. Конечно самъ Богъ благоволитъ, чтобы слезы мои текли изъ глазъ моихъ, чтобы грудь моя была терзаема, и чтобы я окончала животъ свой въ мученіяхъ . . . (Она пала на колѣни и во слезахъ возопила:) Господи я повинуюсь твоему неисповѣдимому промыслу; я буду жить, буду жить! и когда тебѣ угодно претерплю всѣ страданія и муки . . . жизнь моя будетъ мнѣ вѣчною смертію; я прогнѣвала тебя, желая приближить минуту опредѣленную всѣмъ смертнымъ; но жизнь моя отмститъ мнѣ за такое покушеніе . . . ею буду я наказана . . .

Пріятности желаемаго брака не уменьшали Люціиной

пе-

печали. Не смотря на побужденіе своей любви, она шла рыдая въ объятія своего супруга; образъ сестры ея вездѣ слѣдовалъ за нею; Графъ всякимъ образомъ старался утолить грусть ея, и казать ей ту нѣжность, съ которою сердце его не согласовалось; онъ соболѣзновалъ о ней; онъ почиталъ ее, какъ Люцію, но любилъ какъ сестру Меланіи. Когда случалось ей произнести сіе имя; то онъ оказывалъ ей нѣжнѣйшія ласки, и тотъ часъ она ему была милѣе. Многимъ удивительно покажется, что глаза женщины, которые почти всегда, посредствомъ ревности, видятъ мужніе поступки, пребывали въ такомъ ослѣпленіи.

Эсти-

Эстивалъ, повинуясь отцовской волѣ, своей должности и добронравію, довольствовался тайнымъ только оплакиваніемъ своего несчастія. Находясь въ напастяхъ, мы чувствуемъ нѣкоторую отраду и утѣшеніе въ своей горести, когда сообщаемъ злополучія свои другому. Почему Графъ имѣя въ Парижѣ одного искренняго друга, котораго онъ до сего времени увѣдомлялъ о всемъ до себя касающемся, даже и о самыхъ бездѣлицахъ, ради облегченія чувствуемой горести, написалъ къ нему слѣдующее письмо: Я женился, любезный „другъ, я сталъ богатъ, и „надежду имѣю достигнуть „блестящихъ чиновъ; но я „сталъ несчастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ; супруга моя

„имѣетъ

„ имѣетъ всѣ достойныя любви качества: красоту, пріятность, благородство, и самыя лучшія добродѣтели душевныя. Но можно ли повелѣвать своимъ сердцемъ? Сія любезная супруга имѣетъ у себя соперницу . . . ея. – Симъ словомъ окончалъ онъ свое письмо. Люція вошедши нечаянно въ его кабинетъ увидѣла сіе письмо, которое онъ позабылъ спрятать. Она начала читать и дошедъ до послѣдней строчки перемѣнилась въ лицѣ и поблѣднѣла. Эстивалъ засталъ ее въ семъ состояніи; не трудно было ему узнать причину сей блѣдности ея лица; сіе письмо было еще въ ея рукахъ. Она употребивъ всѣ свои силы къ подкрѣпленію себя въ терпѣніи, начала въ

сле-

слезахъ говоритъ Графу: ты не любишь меня любезный Эстивалъ? Я имѣю соперницу . . . Которую ты мнѣ предпочитаешь? . . . Ахъ Графъ! я падаю къ твоимъ ногамъ, я обнимаю ихъ . . . Я омываю ихъ моими слезами, скажи, скажи, открой мнѣ, кого я имѣю соперницею? Изумленный Графъ тронутъ будучи печалію своей супруги, хотѣлъ ее поднять, но она продолжала: я не оставлю колѣнъ твоихъ, пока ты не скажешь мнѣ имени моей соперницы; какая тиранка осмѣлилась лишить меня твоего сердца, меня, которая тебя обожаетъ? Не благодарный! ... Пусть пронзитъ и разстерзаетъ она мое сердце! . . . Ея! . . . О небо! что я вижу? Какой смерто-

поносный ударЪ... Это сестра моя? (При сихЪ словахЪ ГрафЪ упалЪ кЪ Люціинымъ ногамЪ какЪ бы пораженный громовою стрѣлою) ты любишь мою сестру? - Да, сказалЪ онЪ сЪ прерывающимся отЪ слезЪ и вздоховЪ голосомЪ, вотЪ что я хотѣлЪ всегда скрывать отЪ васЪ, отЪ васЪ и отЪ самаго себя; вотЪ какова горестна моя судьбина! я знаю всю цѣну вашихЪ прелестей и добродѣтелей; вы достойны всего того, что заслуживаетЪ добродѣтельнѣйшая и прекраснѣйшая женщина . . . Но . . . Сердце мое назначено было уже Меланіи, когда я получалЪ вашу руку . . . Я скрылЪ бы сію несчастную свою страсть на вѣки, но несчастіе мое подало вамЪ случай узнать сію

тай-

тайну; сжальтесь сударыня надо мною; могу ли я надѣяться, что вы еще меня любите? Смертельное огорченіе изображено на лицѣ вашемъ! Ахъ, любезная Люція! взгляни на своего супруга; онъ умираетъ у ногъ твоихъ; онъ побѣдитъ сіи чувствованія, озлобляющія тебя; онъ тебя будетъ любить.

Люція опамятовавшись успѣла только сказать (смотря на Естивала умирающими глазами) вы любите мою сестру? И опять упала въ обморокъ. Вскорѣ послѣ сего она занемогла горячкою; она отъ всѣхъ скрывала причину своей болѣзни, и не имѣя силъ говорить съ своимъ супругомъ, нѣжно жала его руку; смо-

трѣла на него быстрыми взорами, которые доказывали ея печаль, любовь и отчаяніе — О какое твое великодушіе! вскричалъ Эстивалъ. Несравненная супруга! я, я твой убійца, и ты еще скрываешь мое преступленіе отъ своего и моего родителя и отъ всего свѣта. Ахъ! пусть они о семъ свѣдаютъ, пусть о семъ знаютъ, пусть вся земля меня обвиняетъ и порочитъ! Маркизъ Рюминьи и отецъ графовъ, въ провожаніи одного Доктора, входятъ къ нимъ въ сіе время. Государь мой, сказалъ Эстивалъ Маркизу, безполезно искать помощи въ лѣкарствахъ къ открытію причины Графининой болѣзни; вы видите во мнѣ ея виновника. — — Какъ! — Такъ, такъ точно; я вон-

зилъ

зилЪ вЪ ея грудь сей кинжалЪ. Знайте (говорилЪ онЪ проливая горкія слезы) что я несчастливѣе изЪ всѣхЪ на свѣтѣ. Я любилЪ ея сестру, прежде нашего брака; я прилагалЪ всѣ силы кЪ утушенію сей страсти, и старался скрыть ее отЪ Люціи: но несчастнымЪ образомЪ она обЪ ней свѣдала, и симЪ то я ее умерщвляю . . . НѣтЪ любезная супруга (обнимая ее сЪ воздыханіемЪ сказалЪ онЪ ей) ты не умрешь; ты будешь жить, будешь жить для того, чтобЪ быть любимой; чтобЪ быть обожаемой твоимЪ мужемЪ. АхЪ прости меня, любезная Графиня, прости и обѣщай мнѣ любить меня.

МаркизЪ и отецЪ ГрафовЪ плакали вмѣстѣ сЪ нимЪ, и

старались утѣшить Люцію; они со всѣхъ сторонъ покушались прогнать ея ревность, которая прекращала дни ея; сестра твоя, говорили они ей, избрала себѣ жилище; хочетъ жить въ уединеніи, и по видимому оставила на вѣки свѣтъ сей, и потому ты можешь всего надѣяться. Ты прекрасна и добродѣтельна; ты возмешь надъ сердцемъ своего супруга ту власть, которую до сего времени у тебя похищали; благородныя ея поступки и время изтребятъ изъ памяти ея Эстивала. – Сіи лѣкарства слабы и не дѣйствительны противъ той язвы, которая меня погубляетъ, вскричала она; болѣзнь моя не можетъ симъ излечиться, болѣзнь моя неизлечима

чима . . . Нѣтъ! я не могу долѣе жить, проливая слезы о несчастiи своей сестры; я незнала о томъ, что я плакала о обожаемой соперницѣ! . . . На что мнѣ напрасно льститься пустою надеждою. Графъ не перемѣнится . . . Любовiю обладать трудно; я сама на себѣ это испытала. Естьли бы я слушалась одного только своего разума, то можетъ быть я продолжала бы еще жизнь свою: но страсть моя ведетъ меня ко гробу . . Теперь мнѣ ждать уже нѣчего. Не можно изобразить разныхъ движенiй, терзавшихъ несчастную Люцiю. Часто она то съ сердцемъ пѣняла Меланiи, такъ какъ бы она сама тутъ находилась, и обвиняла ее; то послѣ просила

у нее прощенія въ ревнивыхъ своихъ упрекахъ, и увѣряла ее о своей непрерывной къ ней любви и дружбѣ; то часто обнимала своего мужа, то отталкивала его отъ себя съ презрѣніемъ: то просила его себя любить, то повелѣвала ему себя забыть; и всѣ такія странныя и плачевныя позорища оканчивались горестными слезами. – Какія несчастія влекутъ за собою страсти! Сколькимъ тираннамъ достается въ добычу человѣческое сердце!

Старанія Графа, его отца и Маркиза, ихъ прошенія, ласки и ихъ великая печаль не могли помочь Люціи, и возвратить ей здравія; лекарства всякаго роду были не дѣй-

дѣйствительны; ибо душевныя болѣзни гораздо труднѣе излѣчить, нежели тѣлесныя. Графиня съ твердостію духа предчувствовала приближающійся конецъ своея жизни; тутъ то оказала она всю великость своей любви и своего великодушія. Я умираю, сказала она своему родителю, Графову отцу и своему мужу, (которые окружали ея постелю, и старались отъ нея утаить свои слезы,) не скрывайте отъ меня своея печали и слезъ; они показываютъ мнѣ вашу чувствительность; я ласкаю себя надеждою, что я еще вамъ любезна . . . ето послѣднія слезы, . . . которыя нещастная Люція нудитъ васъ о себѣ проливать . . . О родитель мой! (продолжала она,

обнявъ его въ восторгѣ и довольно помолчавъ) люби свою дочь, воспоминай иногда о ней съ сожалѣніемъ; утѣшайся лучше потеряніемъ ея . . . еще остается у тебя одна дочь! . . . пусть сама Меланія о мнѣ пожалѣетъ, пусть она меня проститъ . . . она сама знаетъ любовь . . . я знаю ее. Она проститъ мнѣ мою вину. Я иду во гробъ съ сею надеждою. (Люція о блокотясь на одну руку начинаетъ говорить громче) Дозволишь ли мнѣ родитель мой оказать Графу слабое засвидѣтельствованіе несчастной моей къ нему страсти? (При чемъ Маркизъ обнявъ ее не могъ выговорить, кромѣ сихъ словъ: любезная дочь!) Люція же начала: любезный супругъ, я оставляю те-

тебя наслѣдникомъ всего того имѣнія, коимъ я могу располагать . . . - На что ты говоришь мнѣ объ имѣніи, дражайшая моя Люція! и для чего ты еще печешься о моемъ благополучіи! возможно ли быть счастливымъ несчастному твоему супругу, когда онъ тебя теряетъ? Онъ лишась тебя лишится всего . . . Нѣтъ . . . любезный Графъ . . . Меланій . . . Не говори мнѣ сего имени, любезная супруга! Толикая твоя любовь заставляетъ меня любить одну только тебя . . . О дражайшая Люція! . . . о обожаемая супруга! ты, ты господствуешь въ моемъ сердцѣ; ты будешь вѣчно его обладательницею. Ахъ! какая страсть можетъ побѣдить сіе чистое, сіе праведное, сіе достойное

чувствованіе! . . . - любезный супругъ! сказала Люція протянувъ свою руку къ Эстивалу, (который сжавши ее своими руками, цѣлуетъ и орошаетъ слезами,) вотъ наипріятнѣйшія минуты въ моей жизни; я чувствую цѣну столь великодушнаго твоего поступка . . . но . . . я знаю любовь! Сестра моя . . . всегда будетъ тебѣ мила, (Графъ хочетъ говорить, но Люція продолжаетъ), я живу еще . . . и живу любя тебя . . . но не могу преодолѣть жестокой своей ревности . . . которую мнѣ надлежитъ побѣдить; я отъ тебя сего только прошу, чтобы ты, въ чемъ надѣюсь и родитель мой не воспрепятствуетъ, принявъ мое имѣніе, старался открыть мѣсто пребы-

быванія Меланіина; а нашедши ее, на ней женился . . . Да, любезный Эстивалѣ, я желаю, чтобы ты сочетался съ моею соперницею; я ея не ненавижу. Живи любезный Графѣ, живи, будь благополученѣ; почитай меня для того, я говорю почитай, что я не заслужила твоей любви; но по крайней мѣрѣ оплачь мой прахѣ! (она выговорила сіи слова съ плачемѣ) это единственно будетѣ мнѣ награжденіемѣ за всю мою любовь, для которой я у тебя сего просить осмѣлилась! . . . Моя кѣ тебѣ страсть стоитѣ мнѣ жизни . . . Прощай родитель мой . . . прощайте и вы государь мой, (сія рѣчь кѣ Графову отцу) я довольно имѣла случаевѣ кѣ познанію многихѣ вашихѣ ко мнѣ бла-

благосклонностей . . . Теперь узы, коими я съ тобою, любезный Графъ, сопряглась, разрушатся; . . . Подойди ко мнѣ дражайшій Эстивалъ . . . Ты плачешь . . . Ахъ! . . . Но Меланія отретъ твои слезы.

Сіи были послѣднія Люціины слова. Маркизъ подтвердилъ ее желаніе, и отдалъ Графу все, что она ему ни отказала.

Эстивалъ по смерти Люціиной впалъ въ безмѣрную печаль, которая была столь для него чувствительна, что казалось будто онъ совсѣмъ Меланію позабылъ и перестал любить; глаза его и вся душа привязаны были ко гробу его су-

супруги; сей плачевной образъ являлся во всѣхъ его чувствахъ; онъ обвинялъ себя въ ея смерти; называлъ себя ея убійцею и палачемъ; словомъ, онъ былъ въ столь жалостномъ состояніи, что самъ Маркизъ тронутъ былъ горестію его. Сей несчастный отецъ, оплакивая Люцію, питалъ въ сердцѣ своемъ лестную для себя надежду, что онъ современемъ найдетъ свою Меланію; что она утѣшитъ его въ старости, и поддержитъ его отъ паденія со скользкихъ дальнихъ ступеней сея жизни.

Спустя не много пронесся ложной слухъ, будто бы Меланія послѣдовала во гробъ за своею сестрою. Сей слухъ сразилъ сего несчастнаго отца; онъ

онѣ въ рукахъ Графа испустилъ послѣдніе вздохи, называя его своимъ сыномъ, и объявляя его своимъ наслѣдникомъ. Эстивалъ, отягощенный толикими злополучіями, едва самъ могъ перенесть оныя; при семъ ужасномъ извѣстіи любовь его къ Меланіи возобновилась со всею своею силою. Онъ всеминутно плакалъ о своей супругѣ, и своей любовницѣ; жизнь его начинала приближаться къ своему концу; его отецъ держалъ его въ своихъ объятіяхъ едва жива; въ сію минуту удрученная всѣми бѣдствіями душа его находила удовольствіе умереть въ отеческихъ рукахъ.

Слухъ также далъ знать и Меланіи о плачевной кончинѣ

нѣ ея сестры со всѣми обстоятельствами, могущими учинить сію потерю для нея чувствительнѣе. Ей не безъ извѣстно стало, что Люція при послѣднемъ своемъ издыханіи не выпускала изъ устъ своихъ ея и Эстивалова имени; что сія великодушная женщина своимъ великимъ духомъ, превысивъ человѣческое естество, сама убѣждала своего супруга, чтобы онъ сочетался съ ея соперницею. Сіе дѣйствіе высочайшей добродѣтели довольно имѣло силъ къ погруженію Мелании въ несноснѣйшую печаль. Она пребывала нѣсколько дней въ сей болѣзни такъ, что не могла не только ни одного слова выговорить, но ни одной слезы пролить; наконецъ отчаяніе ея исторгнуло

ло ее изъ смертоноснаго сего состоянія, и она послѣ тяжкихъ вздоховъ произнесла слѣдующія слова: нѣтъ, несчастная Люція! нѣтъ, я не уступлю тебѣ въ великодушіи; я, я тебя умертвила, но я за тебя и отмщу себѣ . . . Я остаюсь въ жизни только для того, чтобы сравниться съ тобою въ добродѣтели. . . Въ сей горячей любви, которая насъ соединила . . . я измѣнила тебѣ, и мое сердце, пронзенное любовною стрѣлою, терзается вѣчными угрызеніями совѣсти; словомъ сказать, я вѣчно пребуду твоею жертвою. . . Ахъ! трогаютъ ли тебя слезы мои? Возможно ли чтобы печаль моя въ силахъ была воскресить тебя? Ахъ, я умерла бы сто

разъ

разъ... чтобы тебѣ хотя на одинъ день возвратить жизнь; ты увидѣла бы... что я еще больше страдаю, нежели ты; ты увидѣла бы... сколько ты мнѣ дорога... Я оставляю сіи мѣста, я оставляю ихъ, чтобъ умереть на твоей могилѣ... чтобъ быть погребенной подлѣ тебя... чтобы сердце мое находилось не далеко отъ твоего... Тебя болѣе нѣтъ... Увы! дражайшая моя сестра... Возможно ли, что бы я?.. Нѣтъ, не бойся, любезная Люція, я знаю свою слабость... Я тебѣ докажу, что Меланія достойна быть твоею сестрою. О Люція!... съ охотою бы я для тебя претерпѣла жесточе самой смерти муки. Боже мой, (ставновясь

новясь на колѣни) не оставь меня; я требую твоего заступленія и небесныя помощи! о Покровитель мой . .. единый Благотворитель, единый Другъ человѣчества, помилуй несчастную припадающую и молящуюся Тебѣ о помилованіи; подкрѣпи слабость мою, подкрѣпи разумъ мой, ободри душу мою . . . для исполненія своихъ должностей! – Она произнесла сіе послѣднее слово твердымъ и рѣшительнымъ голосомъ. Смерть ея родителя, о которой она увѣдомилась немного спустя послѣ сего времени, и которая причинила ей новые удары такъ, что едва могла она остаться живою. Какъ только получено было извѣстіе о смерти Люціиной, то всѣ боялись, чтобы

бы и Меланія ей не послѣдовала; однакожъ она вмѣсто смерти гораздо мучительнѣе препроводила три дни. Никто не почиталъ ее живою, и отъ сего то пронесся слухъ, будто она умерла, и родственница ея ошибкою донесла о томъ Маркизу де Рюминьи, чѣмъ и принесла ему смерть.

Графово состояніе не менѣе было жестоко. Отецъ его потерялъ всю свою суровость; онъ не былъ уже болѣе упорный но чувствительный старикъ, подверженный всѣмъ страхамъ отеческой любви; онъ плакалъ и рыдалъ обнявъ своего сына, который находясь при самой смерти едва слышалъ его вздохи.

Но вдругъ одинъ слуга вбѣжавши въ комнату вскричалъ: Меланія еще жива, сударь! – Эстивалъ, подбѣжавъ къ слугѣ съ восторгомъ, спросилъ его: какъ? Меланія еще жива? – Да, сударь, она жива, и мѣсто ея жилища уже найдено; вы можете туда сами ѣхать! – О другъ мой! . . . Я ее еще увижу? . . . (къ отцу своему) еще я увижу Меланію. . . и скажу ей . . . Пойдемъ, родитель мой, я паду къ ея ногамъ; я ожилъ для того, чтобы любить тебя . . . и обожать . . . Отецъ старался удержать сына своего, избавленнаго сею радостною вѣстію отъ смерти, просилъ его отложить сію ѣзду на нѣсколько дней, потомъ на одинъ день, а наконецъ на

одинъ

одинЪ часЪ; но не можно было сопротивляться нетерпѣливости Эстивала; почему отецЪ его, сѣдши сЪ нимЪ вЪ коляску, и повезЪ его кЪ Меланіину жилищу.

ВЪ сіе время Эстивалу не представлялся болѣе гробЪ несчастной Люціи: онЪ будучи упоенЪ лестною надеждою, ни о чемЪ болѣе не думалЪ, кромѣ своего брака, который долженствовалЪ соединить его навсегда сЪ Меланіею; онЪ вЪ мысляхЪ былЪ уже у ногЪ сей красавицы; онЪ вЪ сердцѣ уже сЪ нею говорилЪ, и возобновлялЪ всѣ клятвы сЪ нѣжностію, возрастающею всякую минуту: но вЪ самомЪ дѣлѣ онЪ обвинялЪ медленность почтарей, какЪ ни скоро на сихЪ такЪ сказать крылатыхЪ ко-

нях летѣл, все еще не доволен был их непроворностію. Наконец прибыли они в тот монастырь, в котором находилась Меланія, и просили дозволенія с нею видѣться; на что им Меланія велѣла отвѣтствовать, что она не прежде может с ними увидѣться, как по прошествіи трех дней, прося их обождать сіе время. Сколь ни продолжительно, и сколь ни несносно было для Эстивала сіе время, и сколько ни удвоивал он свои прошенія проливая слезы: однако всегда получал тот же отвѣт.

По прошествіи означеннаго сроку, Эстивал с отцем своим полетѣл к решеткѣ и увидѣл Меланію. О небо

небо вскричалъ онъ! что значитъ сія одежда? - То, что я невластна въ моемъ жребіи . . . - Что вы говорите, вдругъ прервали ея слова Эстивалъ и его отецъ? - Такъ, я посвятила вчера Богу жизнь свою! - Ты посвятила жизнь свою, вскричалъ Графъ, упадши въ руки къ своему родителю? - Вчера я принесла мои обѣты, продолжала Меланія съ тою же твердостію, вчера я посвятила себя Богу . . . навсегда . . . и не могу имѣть другаго супруга кромѣ его - Что я слышу! Меланія посвятила жизнь свою? - Увѣдомившись о плачевной кончинѣ сестры моей и моего родителя, я исполнила свой долгъ: я обручилась Господу: родственники мои на то согласились, и я узнала

наконецъ . . . ахъ! государь мой, сколько я должна обвинять себя! я узнала наконецъ, что сестра моя отъ меня скончала животъ свой, а я для нея погребаю себя на вѣки въ семъ гробѣ. – На вѣки? . . . я лишаюсь Меланіи? – Мнѣ непристойно, государь мой, носить имя вашей супруги, когда сіе имя стояло жизни несчастной моей сестрѣ, и для того я не соглашалась васъ видѣть, пока я не положила неразрывной и вѣчной союзу нашему препоны. Судите о моихъ мученіяхъ, о моихъ страданіяхъ . . . я любила васъ . . , и говорю вамъ не краснѣя, потому, что мое сердце ни вамъ, ни мнѣ больше не принадлежитъ; я отъ васъ не требую . . . я не требую ничего кро-

мѣ

мѣ чувствованія дружества. . . и сожалѣнія . . . Станемъ оплакивать вмѣстѣ великодушную Люцію; пусть слезы наши сдѣлаютъ чувствительнымъ и самый ея прахъ; увы! мы ему должны сими слезами. Впрочемъ я съ охотою подтверждаю наслѣдство, которое сестра моя и родитель мой вамъ оставили . . . сожалѣйте объ насъ . . . какъ о двухъ несчастныхъ, которыхъ любовь была причиною ихъ смерти . . . Я теперь прощаюсь съ вами, потому, что смерть моя не замедлитъ послѣдовать за кончиною Люціи и добродѣтельнаго моего родителя . . . Прощайте государь мой! прощай Эстивалъ! . . . въ другой разъ не старайтесь меня видѣть. . . – Для чего! (вскричалъ Эстивалъ

со слезами) Боже мой! Сама Меланія запрещаетъ мнѣ себя видѣть! (протягивая къ ней свою руку.) Меланія подкрѣпивъ себя и принявъ ее у него, сказала: не покушайтесь умягчить твердый мой духъ . . . разстанемся на вѣки . . . присутствіе ваше дѣлаетъ меня виновною въ моихъ глазахъ, въ глазахъ сего Бога . . ., которому я посвятила себя. . . онъ наказываетъ меня за мое злодѣяніе, за то, что я вонзила кинжалъ въ Люціину грудь . . . Теперь въ послѣдніе я вамъ скажу, прощай мы никогда не увидимся . . . (Графъ останавливаетъ ее) Государь мой, сказала Меланія графову отцу, я осмѣливаюсь вооружить васъ противъ него! . . . противъ меня самой! . . .

Эсти-

Эстивалъ! . . . (смотря на него съ наполненными слезъ глазами) оставь меня умереть не такою преступницею! (голосъ ея отъ вздоховъ прерывается) ты не знаешь . . . не чувствуешь какія причиняешь мнѣ мученія. – Дражайшая Меланія! (бросается къ ея ногамъ) что я дѣлаю . . . О небо! . . . О! Люція . . . О боже мой! . . . – Уйди Эстивалъ! бѣги . . . убѣгай меня навсегда . . . забывай меня . . . Довольно ли сей моей слабости? прости Эстивалъ . . . (къ отцу его) простите государь мой . . . (пристально посмотрѣвъ на нихъ) скоро, скоро будете вы оплакивать смерть мою . . . – Она возратилась въ келью свою съ такимъ изнеможеніемъ, какъ бы себя самую у

себя

себя изторгнула. Ахъ Меланія! кричалъ во слѣдъ ей Эстивалъ. . . одно слово . . . одно слово . . . выслушай меня . . . на одну минуту . . . Но Меланія скрылась навсегда отъ его глазъ. Эстивалъ въ безпамятствѣ падаетъ на руки къ своему отцу, который притащивъ его къ коляскѣ, отправился въ возвратный путь. Бѣдная Меланія потерявъ все, что ни любила; могла еще перенесть уронъ сей, который тѣмъ болѣе долженствовалъ ей быть чувствительнымъ, что изъ всѣхъ страстей любовь была въ ней сильнѣйшая. Она могла преодолѣть себя и скрыться отъ Эстивала; но изъ одного монастырскаго окошка смотрѣла еще нанего; она говорила мысленно съ нимъ, и

слѣдовала за нимъ глазами; наконецъ когда Эстивалъ сѣлъ въ коляску, и когда Меланія совсѣмъ уже потеряла его изъ виду: то упала на землю, какъ бы пораженная громовымъ ударомъ; она лежала на семъ мѣстѣ нѣсколько минутъ безъ чувствъ: но опамятовавшись встала, побѣжала къ окну и облившись горестными слезами, опять упала на землю. Я его больше не увижу! я запретила ему сюда являться! я пылаю еще къ нему любовію. Довольно ли ты симъ о небо? о сестра моя! была ли я столь безчеловѣчна, столь жестока? Сердце мое довольно утомлено и измучено . . . – Я могла бы быть за Эстиваломъ: но я умираю посвятивъ себя Богу. Я молю

его о ниспосланіи мнѣ силъ побѣдить господствующую во мнѣ любовь. Ахъ! Эстивалъ! честность, законъ и благопристойность запрещаютъ мнѣ тебя любить и даже о тебѣ помышлять; малѣйшая искра моей къ тебѣ страсти, въ разсужденіи моего званія, есть грѣхъ. Боже, Боже мой! сжалься надъ моими несчастіями... сжалься надъ моею слабостію и угрызеніями моей совѣсти! ... что я? Не что иное, какъ достойная сожалѣнія тварь. Ахъ! должно ли любви всечастно обитать въ сердцѣ, которое не должно ей покоряться? – Тщетно вооружалась Меланія всею добродѣтелію и всѣмъ благополучіемъ противъ воспоминовенія объ Эстивалѣ, которое непрестанно возвышалось

лось въ душѣ, и часъ отъ часу становилось сильнѣйшимъ; она не могла забыть Эстивала; рука ея не могла истребить глубоко впечатлѣннаго въ сердцѣ ея Эстивалова образа. Она взявши карандашъ, хочетъ изобразить его образъ: но вдругъ бросаетъ его, упрекая себѣ своею слабостію и проливая источники горькихъ слезъ; потомъ опять его беретъ, и опять кидаетъ. Двадцать разъ приносила она сей образъ въ жертву олтарю, и дватцать разъ жертвовала олтаремъ предмету своей страсти. Наконецъ, сражаясь безпрестано сама съ собою, воздыхая и рыдая попеременно отъ волненій закона и любви, начертила Эстиваловъ портретъ. Не было ни одной такой

кой черты и ни одной точки, которая бы не стоила ей слезъ, вздоховъ и мученія. Вотъ! вскричала она, вотъ черты. . . любезнаго моего . . . вотъ черты. . . вѣрнѣйшаго любовника! . . . что я говорю? О Боже мой! прости мнѣ сіе . . . не могутъ ли прогнѣвить тебя мои слезы, текущія по пустому начертанію? Конечно могутъ. . . должно ли мнѣ въ етомъ сумнѣваться? Боже мой! конечно я прогнѣвляю тебя; я нарушаю клятвы свои, долгъ свой и честь свою. . . Нѣтъ, я не увижу болѣе сего порочнаго начертанія; я не буду его хранить и тѣмъ довольствовать несчастную свою страсть . . . которую должна я потушить . . . Надлежитъ удалить его отъ взоровъ мо-

ихѣ; надлежитѣ его истре- бить. Она хочетѣ исполнить благородное свое намѣреніе: но рука ея дрожитѣ; она взи- раетѣ еще на него, возды- хаетѣ и прижимаетѣ его кѣ своей груди и кѣ своему серд- цу. По всякой день она обѣ- щала Богу не имѣть сего сви- дѣтельства чувствованія, ко- торое она опорочивала; но и всякую минуту смотрѣла на сей портретѣ, орошала его своими слезами, и обращала кѣ нему свои жалобы такѣ, какѣ бы она вѣ самомѣ дѣлѣ разговаривала сѣ Эстиваломѣ.

Меланія повсечасно уми- рала отѣ мученій и терзаній, которыя чувствовала она вся- кую минуту, и которыя ко- лебали ея добродѣтели. Видно, что любовь долѣе всѣхѣ стра-

стей сохраняетъ свое насиліе, когда и самое уединеніе не только не утушаетъ, но еще болѣе возжигаетъ ея пламень; извѣстно притомъ и то, что въ совершенно уединенномъ мѣстѣ болѣе еще терзаются и страдаютъ чувствительныя души. Въ такомъ то состояніи была Меланія тогда, когда принесли ей маленькой серебряной ящичекъ, въ которомъ, открывши, нашла она сіе письмо.

„ Я исполнилъ ваше повелѣніе; я посвятилъ вамъ „ свое благополучіе и свои дни; „ я болѣе съ вами уже не „ увижусь. Но что я не могъ „ жить, не видя васъ, въ томъ „ увѣряю васъ чрезъ сіе письмо, что какъ скоро вы получите оное, въ тотъ часъ

„ я

„ я окончу жизнь свою. . . Но
„ перестану ли я васЪ любить?
„ АхЪ! нѣтЬ. Возможно ли душѣ
„ моей искоренить то чувствіе
„ . . . которое ею обладаетЪ?
„ Страсть моя не будетЪ раз-
„ дражать Бога. Ни чья лю-
„ бовь не можетЪ быть чище
„ и достойнѣе сего Существа,
„ которое сотворило насЪ од-
„ ного для другаго; . . . но я
„ не могу быть вашимЪ, рав-
„ но какЪ и не вашимЪ; я
„ причинилЪ несчастіе вашей
„ фамиліи; я умертвилЪ вашу
„ сестру и вашего родителя; я
„ вогналЪ ихЪ во гробЪ; я троихЪ
„ принесЪ вамЪ на жертву . . .
„ Вы излишне меня за сіе нака-
„ зали; и я не имѣлЪ кЪ утѣ-
„ шенію моему другаго способа,
„ кромѣ смерти . . . КЪ счастію
„ моему она ко мнѣ уже при-

 „бли-

„ ближается, и кончаетъ пла-
„ чевную мою долю. Я ожидаю
„ отъ васъ одной только той
„ милости, чтобы вы сохра-
„ нили сей одинъ подарокъ,
„ которой вамъ принять поз-
„ волительно, какъ послѣдній
„ знакъ, какой только мо-
„ жетъ вамъ оказать моя къ
„ вамъ горячность . . . Про-
„ щай дражайшая моя Мела-
„ нія! . . . Но должно ли уме-
„ реть не называясь твоимъ
„ супругомъ, вѣрному твоему
„ Эстивалу?

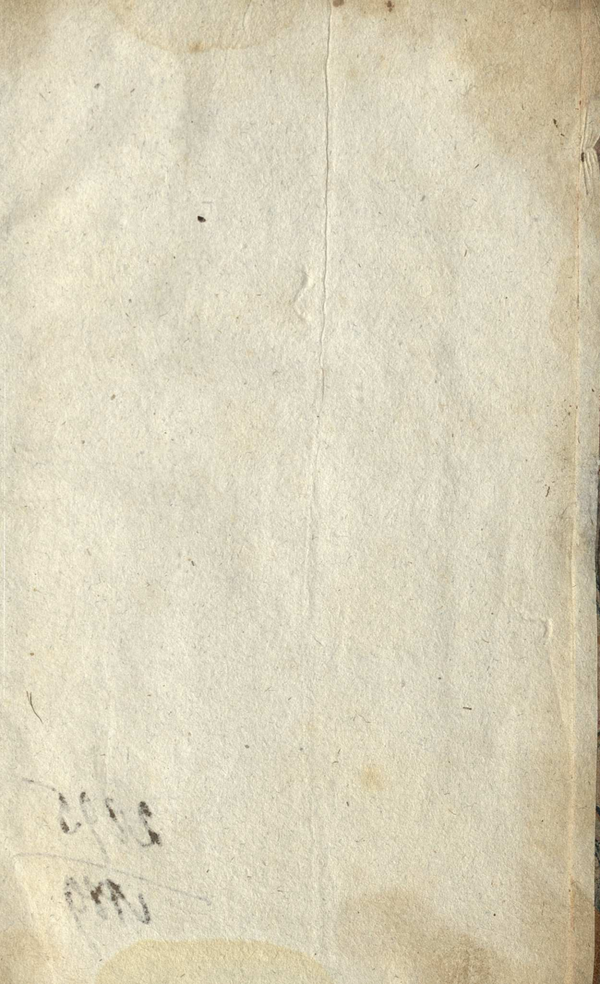
Вновь опечаленная Меланія предала себя всѣмъ мукамъ и страданіямъ; впала въ уныніе, и долго стояла неподвижно: но приведена была въ чувство ударомъ своей руки осеребряную коробочку. Не обычайное движеніе, которое кажется

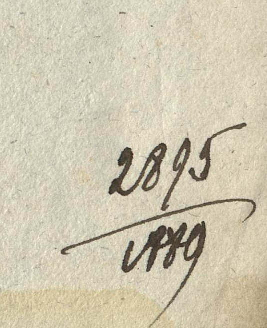
жется удручаетъ несчастныхъ выше поражающаго ихъ удара, ободрило ее при семъ случаѣ, и побудило узнать, что въ сей коробочкѣ находится. Она ее открыла: но что же она увидѣла въ ней! Она увидѣла сердце и сію цыдулку: Вотъ то сердце, которое тебя обожало, и которое жило толь-„ко для тебя. Ужъ ли не со-„гласишся ты омыть его сле-„зами?

Сердце Эстивала! Увы! вскричала Меланія, увы! . . Она лишилась голоса и чувствъ; ее отнесли на постелю, на которой она нѣсколько спустя послѣ сего окончала горестную свою жизнь, ничего больше не произнося, кромѣ сихъ словъ: о Эстивалъ! о Боже мой!

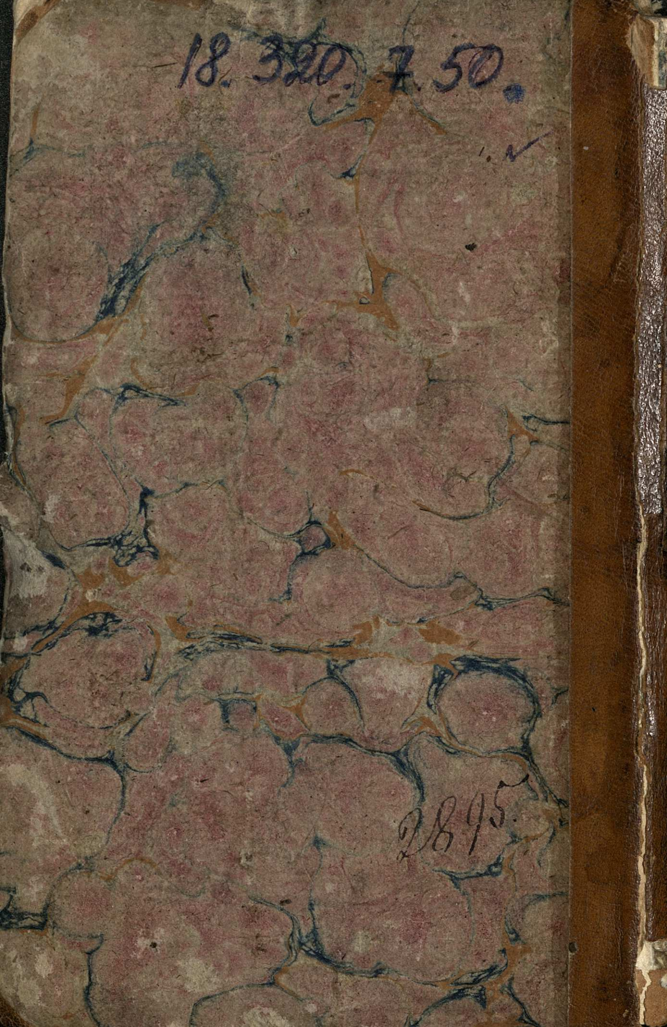
КОНЕЦЪ.

2895
1889

18. 320. 7.50.
2895.